

Григорий Заславский

Там, вдали

МНЕ ЖАЛЬ, что Наташа Луома-Кетури, финская переводчица на театральном фестивале в Тампере, так и не увидела спектакля «Дивоти» театра «Тонельгруп» из Амстердама. Два слова о ней. Очень спокойная, то есть легко вписывающаяся в обиходный ритм финляндской жизни, милая и интеллигентная, четыре года назад Наташа вышла замуж за финлястроителя. О нем я знаю только то, что он молчалив, как все финны, и классическим сорочкам предпочитает футболки. У них растет сын. Она ходит в театр, ходит в кино, образованная и современная; муж живет своими интересами, не пропуская ни одной спортивной телепередачи. Но ни он не тяготеет к «чужим» интересам жены, ни она не мучится тем, что муж чаще молчит, чем говорит, и ее интересов не разделяет. Другой подход, другие требования, совершенно далекие от нас идеалы семейного счастья. Для нас это — невероятные отношения, для европейской семьи — обыкновенные. Естественные. Что-то главное — в другом. И это, другое, ценнее всего того, что становится предметом ссор, раздоров и раздоров у нас. К примеру, между моими родителями. Впрочем, таких счастливых семей, к сожалению, мы знаем мало — ведь фильмы, спектакли, книги обычно посвящают событиям и семьям из ряда вои выходящим. Спектакль «Дивоти» рассказывает как раз о такой, безумной во всех отношениях, из ряда вои выходящей семье.

О том, что мне стало плохо на этом спектакле, газеты и радио уже успели сообщить. Минут пять или десять я сидел, не будучи совершенно уверен, потерял я уже сознание или все так же нахожусь в полуобмороке. А двумя рядами выше два человека все же с шумом грохнулись со своих подушек-сидений. Это случилось, когда юный герой-наркоман неловко начал вводить в свои исколотые вены иглу и из вены полилась живая кровь. Мне стало не по себе.

В бытовой семейной драме только одному из участников дано право голоса. Отец семейства, не замолкающий ни на минуту, кричащий и негодующий, не замечает, что творится не перед носом, а в данном случае — в стороне от него. Он говорит, жена и сын — делают. Он говорит — сын душит собственную мать, он говорит — сын, покон-

ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ ШЕДЕВР

Независимая газ. — 1994. — 8 сент. — С. 7.

Москвичи еще успеют испытать рвотные позывы на спектакле амстердамского театра «Тонельгруп»

Сцена из спектакля.

чив с матерью, вспарывает себе вены и падает замертво. И все же — словом и делом творится эта трагедия.

А начинается представление довольно смешной пантомимой. Женщина в полном одиночестве, сидя в хорошо обставленной комнате, в правой своей части плавно переходящей в кухню, наливает себе белого вина и пьет его, рюмку за рюмкой.

Спектакль играли дважды. В первый вечер все удавалось героине, на второй день вино перелилось через край, когда же мадам попыталась отпить, рюмка опрокинулась, и вино вылилось в вазу с апельсинами. Совершенно хладнокровно она «собрала» вино в ладонь и снова вылила в рюмку, вылила, после чего слала его в рюмку из вазы и вылила снова. Затем машинальными, заученными движениями опрыснула поверхность туфельки лаком и тряпочкой восстановила блеск полировки. На протяжении часового спектакля эта женщина не остановится ни на минуту, всякая секунда будет заполнена какими-то не контролируемые разумом движениями, и до своей

смерти в финале она, не проронив ни слова, будет занята своей «пантомимой».

Ее поступки будут вызывать смех, улыбку, даже гримасу отвращения, когда, уложив куски мяса на сковородку, дымящуюся на включенной в сеть электроплите, она поливает их последовательно маслом и жидкостью для мытья посуды.

К концу представления по залу разносится отвратительный запах этого смердящего варева. Тошнотворный.

Разворачивающаяся на сцене драма ни в чем и ни на минуту не поддается над бытом, место действия с четырех сторон ограничено телевизором, письменным столом с бумагами и пишущей машинкой, включенной электроплитой, фикусом в кадке у дивана.

Если взяться перечислить по порядку то, что проделявают на сцене перед самым носом у тех, кто отважился сесть в первом ряду (а ведь предупреждали, было сказано в программе — спектакль не для слабонервных, ужасы будут настоящими), кому-то покажется, что речь идет о

несуветной пошлятиине, радости, которую не то что смотреть, о которой и читать-то противно, во всяком случае неприятно. Когда сын впервые выходит на сцену, не замечаемый ни матерью, занятой уборкой комнаты вперемежку с заботами об оставленных на плите супе и мясе, ни отцом, увлеченным своим собственным словословием, его трясет. У него — ломка. Он ищет где-то запрятанную порцию наркотика, находит, сбрасывает на пол кастрюльку, которую безумная мать положила вермишель, нашинкованный лук, полкочана капусты, маленькую железную крышку от кастрюли поменьше, кусок масла, снова — уже нарезанную капусту и все это залила водой, и на освобожденной конфорке в столовой ложке он разводит белый порошок, наполняет раствором шприц, неудачно прокалывает вену, утирает кровь, прокалывает вену на другой руке, вводит наконец наркотик куда-то под труссы, мастурбирует, насилует собственную мать, которая при этом по-прежнему без слов хлопывает его по розовой попке

и только чуть слышно постанывает от подступающего наслаждения, громит раздражающий его музыкальный центр, разбивает вешалкой-стойкой цветной телевизор (телевизор взрывается, горит и дымит, и запах гари приливается к уже чувствительному духу готовящейся «шницли»), поедает блокнот, затакая в рот, один за другим, больше тридцати листов смятой блокнотной бумаги, душит мать и убивает себя. Без суеты он проделявает все это (и многое еще, чего я здесь не описал) минут за пятьдесят.

Отец не замечает ни мучений сына, ни надругательства, которое учиняет сын над собственной матерью, его женой. Он — театральный критик; как значится в листке-либретто, вернувшись из театра домой, он «вентилирует» свои впечатления от увиденного.

В спорах о театре, которые он ведет вслух с самим собой, он потерял всякий контакт с реальностью, его реальность — это театр, спектакли, которые он смотрит и рецензирует, газета, в которую он пишет, а еще телепорталы и радиоинтервью, реальность под рукою как бы и не существует. В спектакле театра «Тонельгруп» из Амстердама все страдания приходится на долю тех, кто молчит. Только зрители, задыхаясь от мерзких запахов, остаются в живых, в отличие от менее удачливых «молчунов» на сцене. И в медленно гаснущем свете так и не затихает голос отца, который, едва-едва успокоившись, освоившись с первыми впечатлениями, не так громко и по-деловому обсуждает по телефону с кем-то из коллег достоинства и просчеты вечернего спектакля.

P.S. Нет, наверное, необходимо пояснить, что спектакль, поставленный Джерардом Риндерсом, автором пьесы, имеющей совершенно реального прототипа с той же фамилией, в которой Риндерс не посчитал нужным изменить хотя бы букву, и рассчитан на эпатаж. Режиссер и три актера-исполнителя сознательно будоражат, шокируют публику. Они и не думают считаться с тем, что кто-то пришел в театр, чтобы получить удовольствие и отдохнуть. Блистательное по форме и актерскому исполнению (в спектакле играют Титус Майзила, Линке Риксман и Фред Гессен) представление театра «Тонельгруп», я надеюсь, получит возможность побывать в Москве, а московская публика еще сможет испытать острые ощущения, неизменно его сопровождающие.